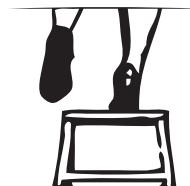

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Антрапология: Хотите к ней немного анархии?

Лоуренс Джарач

Лоуренс Джарач

Антрапология: Хотите к ней немного анархии?

ru.anarchistlibraries.net

ной политике. Это, в свою очередь, подстегнуло меня к желанию отказаться от идеологической жесткости в обеих областях, и это одна из причин, по которой я решил не идти в аспирантуру. И хотя подавляющее большинство моего полезного образования произошло после окончания школы, без изучения антропологии этот процесс, безусловно, шел бы гораздо медленнее.

фологии определенно есть абсурдные или ложные аспекты). Мифы объясняют культурно-специфические представления о мире, населенном представителями данной культуры; это истории, рассказанные этими людьми другим людям, и они должны иметь (и обычно имеют) смысл в данном конкретном контексте, поэтому неважно, являются ли они объективной правдой или нет. Культурно-специфическое мировоззрение, отраженное в мифах, укрепляется этими самыми мифами. В евро-американской культуре мифы окутаны мнимой объективностью (наследие презумпций мышления эпохи Просвещения, большая часть которого восхитительно мифологична), скрывая стоящие за ними философские и идеологические предположения. Именно эта смесь философии и идеологии обеспечивает долговечность мифологии.

Чему научила меня антропология

Обучение и получение степени по культурной антропологии научили меня реальности, а не только мечтательно-утопической возможности жизни без государства и других иерархических институтов и механизмов социального контроля (полиция, суды, тюрьмы). Это состояние анархии¹ отражает успешную адаптацию людей на протяжении 99 % нашей истории (то есть времени до изобретения сельского хозяйства). Эта первобытная жизнь не обязательно является местом, где я хотел бы жить, и не может быть признана заведомо анархическим обществом; тем не менее, это место, где нет государства (даже намека на него), нет экономики, нет широкомасштабного разрушения окружающей среды и нет войны. Образование в области антропологии определенно помогло мне критически относиться к миру. Оно научило меня читать между строк академического дискурса, находить предрассудки и предположения авторов и преподавателей и приводить собственные аргументы. В процессе я смог осознать силу и долговечность мифологии² как в академических кругах, так и в радикаль-

¹ Здесь не место для повторения или подробного объяснения различий между анархией (состоянием существования без государства и правительства) и анархизмом (идеологией, которая представляет это состояние как желательное и достижимое с помощью анархических методов).

² Миф - это не то же самое, что ложь или небылица (хотя в ми-

Оглавление

Краткая история уродливой стороны антропологии	7
После человека-охотника	10
Чему научила меня антропология	14

американцев - животные-компаньоны? Это культурно специфическая (англоязычная) ценность содержания собак в качестве домашних животных, которая не должна ограничивать столь же ценную культурно специфическую (азиатскую) ценность собачьего мяса.

Интересно, что большинство коренных практик, которые вызывают отвращение у европейцев и американцев, - это практики, которым подвергаются женщины, девушки, и животные; евроамериканская культурная мифология поощряет защиту тех, кто якобы беззащитен (например, вдов, сирот и [бездомных] животных). Возникает затруднительное положение: происходит столкновение культурных ценностей, а история и наследие колониального господства европейцев и американцев над мировым Югом могут парализовать гуманитарные порывы многих антропологов. К сожалению, большинство нерелятивистских антропологов, будучи связанными с академией, являются сторонниками какого-либо вмешательства со стороны государства, если существует программа по искоренению культурных практик, которые они считают неприемлемыми.

стран третьего мира, стал дискурсом большинства. Культурный релятивизм основан на идее, что обычай и особенности конкретной культуры должны оцениваться на их собственных условиях; для европейцев или американцев самонадеянно, колониалистски и расистски судить какую-либо часть другой культуры, поэтому в антропологическом дискурсе стала преобладать новая чувствительность к искушению высмеять или осудить. В значительной степени этот дискурс остается доминирующим среди леволибералов в социальных науках.

Проблема культурного релятивизма заключается в том, что, несмотря на то, что он якобы противоположен патерналистской и авторитарной этнографии прошлого века, и несмотря на видимость толерантности и автоматического принятия других, на самом деле он глубоко консервативен.² Он поощряет сохранение жестокости ради борьбы с расизмом. Культурные релятивисты утверждают, что любая попытка ограничить или прекратить практику обрезания, клиторидэктомии, женского инфантицида является расистской и колониалистской. Культурные релятивисты соучаствуют в поддержании ампутации костяшек пальцев у женщин, потерявших родственников-мужчин, и распирывании пениса у юнош, без которого общество не будет считать их "настоящими" мужчинами. Подобные практики имеют смысл для людей в тех культурах, которые ими занимаются, - как же самонадеянно говорить им, что эти аспекты их культуры вредны! Это те же самые антирасисты, которые борются за право есть собак в различных китайских городах в США - и что с того, что собаки для

² То же самое можно сказать и об идеологии политкорректности. Изначально представлявшая собой способ говорить о недоминирующих характеристиках с учетом осуждения, присущего выбору терминологии (см. сноска 4), дискурс политкорректности превратился в самопародию эвфемизма и обfuscации.

В 1983 году я окончил колледж со степенью бакалавра по культурной антропологии. В то время ведущей школой мысли в этой области был - как и сейчас - дискурс, ставший результатом важнейшего симпозиума «Человек - охотник», который состоялся в Чикагском университете в 1966 году. Это событие произвело переворот в мире гуманитарных наук; до этого времени основной идеей в антропологии и других социальных науках было то, что охота на дичь была определяющим видом социальной деятельности первобытных людей¹. Кроме того, большинство антропологов все еще поддерживали «мерзкую, жестокую и короткую» картину первобытной жизни Гоббса. Этот симпозиум все изменил. С тех пор считается само собой разумеющимся (на основании неопровергимых этнографических свидетельств), что первобытные люди больше всего полагаются на растительную и мелкую животную пищу (которую можно легко собрать без охоты)²; такие культуры правильнее называть «собирателями-охотниками», а не охотниками-собирателями (первый термин подчеркивает способ, обеспечивающий наибольшее количество калорий). Другая ошибочная идея, приписываемая первобытным культурам, заключается в том, что люди, занимавшиеся собирательством, постоянно находились на грани голода; Маршалл Сахлинс сыграл важную роль в опровержении этого заблуждения, представив работу «Первобыт-

¹ Термин «примитивный» относится к тем культурным группам, у которых нет ни сельского хозяйства, ни постоянных поселений, ни каких-либо формальных институтов. Собиратели-охотники, скотоводы и садоводы - вот группы, к которым применима эта категория. Они по определению нецивилизованы: не живут в городах.

² В случае культурных групп, живущих в умеренном и тропическом климате, пища составляет до 80 % от общего количества потребляемых калорий; люди, живущие за полярным кругом, напротив, имеют ограниченный доступ к растительной пище, поэтому их рацион почти на 100 % состоит из охоты на животных.

ное богатое общество». Хотя его идея о том, что первобытные люди занимались трудом³ в среднем два-три часа в день, оспаривается по-разному, все, кто изучает данные, сходятся во мнении, что первобытные люди работали гораздо меньше, чем все малоподвижные люди, не говоря уже о тех из нас, кто живет в промышленных и городских центрах⁽¹⁾.

Сегодня трудно оценить глубокие изменения, которые произошли благодаря симпозиуму «Человек-охотник» и множеству статей и книг, вышедших на его основе. Это было время серьезных преобразований в области антропологии, которая до тех пор была не слишком известной социальной наукой с точки зрения позитивного вклада в освобождение человечества.

любой, кто слушал ранние записи той же музыки, сочтет это абсурдным.

Точно так же, когда мужчины-этнографы обнаруживают эгалитаризм среди первобытных людей, это тот эгалитаризм, который существует между взрослыми мужчинами. Среди первобытных людей существует почти повсеместное разделение труда по половому признаку, чему способствует и способствует система довольно строгого разделения занятий по половому признаку, а также сопутствующие им ограничения, обязанности и ответственность. Существует лишь несколько культур, где женщинам или детям разрешено участвовать в охоте, и ни одна из известных мне культур не допускает женщин к участию в набегах или других формах вооруженной борьбы с соседними народами. Женщины изготавливают женскую одежду (или всю одежду); мужчины могут иногда вносить сырье или декоративные материалы. Женщины делают корзины и другие орудия, связанные со сбором и приготовлением пищи. Это не тот вид эгалитаризма, который я (и многие другие анархисты) оценили бы как анархический эгалитаризм. Действительно, в примитивных культурах есть множество аспектов, которые должны заставить анархистов задуматься: от детоубийства до членовредительства, от избиения жён до каннибализма.

К середине 70-х годов, когда в академию пришло поколение антропологов «после человека-охотника», в антропологии сформировалась новая школа мысли. Культурный релятивизм, основанный новым поколением академиков, пропитанных левыми идеологиями культурных исследований, антиколониализма и национального освобождения

тральным способ описать его - народная религия, чтобы отличить ее от предполагаемой настоящей религии. Иерархический предрассудок заключается в том, что «народный» - это синоним неискушенного или невежественного.

³ Под работой я подразумеваю деятельность, необходимую для выживания, такую как сбор и приготовление пищи, изготовление утвари, охотничьего снаряжения, одеяния (когда это применимо), содержание убежищ, воспитание детей и т. д.

⁽¹⁾ Впрочем, это оспаривается Тэдом Качински в его анализе первобытных сообществ "Критика анархо-примитивизма". (прим. ред.)

После человека-охотника

После того как в антропологии большинство дискурсов сместилось в сторону анализа «собиратель-охотник» и это стало менее шокирующим для академического истеблишмента, можно было говорить о том, что первобытным людям жилось хорошо. Мало того, многие этнографы могли начать обсуждать эгалитаризм собирателей-охотников по сравнению с классовыми обществами. Хотя это звучит как очередной удар по проиерархическому, прогосударственному дискурсу предыдущей этнографии, за этим все еще скрываются евро-американские культурные предположения.

Приведем пример, иллюстрирующий эту проблему: европейские этнографы, специализировавшиеся на изучении музыкальных традиций, знали, что африканские народы не разделяют 12-тоновую шкалу европейской музыкальной теории. Поэтому они уже заранее знали, что в африканской народной музыке не будет гармонии, вследствие чего, услышав африканскую народную музыку, они не увидели в ней гармонии и смогли с большим авторитетом заявить, что гармония в Африке неизвестна.¹ Сегодня

¹ Народная музыка – это музыка, которую люди играют, слушая других народных музыкантов; точнее, это музыка, на которую не влияют и которой не учат музыканты, прошедшие обучение теории музыки. Это относится к любой культуре, в которой существует система теории музыки и стандартизированного музыкального образования. Противоположностью фолка является классика. В терминологии заложено предположение о превосходстве. Аналогично, термин «суеверие» на-гружен теми же культурными предположениями; более вежливый/ней-

Краткая история уродливой стороны антропологии

Первые этнографы были миссионерами, приносящими «дикарям» Африки и Азии Евангелия христианства и экономического развития (как это уже делали их коллеги в Америке). Другие были явными предвестниками колониализма, передовыми разведчиками европейских захватчиков земель. Независимо от того, с какой стороны на них нападали, отчеты этих этнографов были переполнены теми же расистскими предположениями о «туземцах», что и любой анализ правительства или компании.

Однако, несмотря на это, антропологам, занимавшимся полевыми исследованиями в середине и конце XIX века, все же удалось донести до евроамериканской аудитории (как популярной, так и академической, а также официальной) более или менее точные описания первобытных культур. Многие были одновременно поражены и смущены тем, что они обнаружили (подобно тому, как Колумб нашел Таино⁽²⁾ слишком гостеприимными, а потому наивными, зная, что их ожидает): культуры без государства, без централизованных или институционализированных механизмов социального контроля, без войн. Тем не менее, очевидно, что здесь существовала какая-то культура.

⁽²⁾ Таино – собирательное обозначение ряда аравакских племён, населявших к моменту открытия Америки острова Гаити, Пуэрто-Рико, Куба, Ямайка, Багамские острова и ряд северных Малых Антильских островов до острова Гваделупа на юго-востоке. (прим. ред.)

Существовала социальная сплоченность, основанная на четко определенных схемах родства (и почти повсеместном табу на инцест), а также целостное мировоззрение, основанное на культурно-специфической мифологии и преданиях, песнях и историях; церемонии и ритуалы, связанные с событиями жизненного цикла (обряды перехода, связанные с достижением совершеннолетия, деторождением, смертью и трауром). У этих дикарей была культура - они не просто бродили по округе, делая все, что им вздумается; существовало множество запретов, а также обязанностей и обязательств. Этого этнографы не могли не описать этого.

Они были озадачены тем, что культура может существовать без сложной системы морали (то есть религии) или якобы нейтрального института для отправления правосудия (то есть государства). И они в самом деле наблюдали, как человеческая культура может вполне успешно существовать и без того, и без другого. Но поскольку в их странах были анархисты, продвигавшие именно такую идею хорошей жизни без религии и государства, этнографам (лояльным миссионерам и/или прогосударственным колонизаторам) пришлось придумать новый термин, чтобы отразить как их предположения о том, что на самом деле происходит в первобытной культуре, так и их шок от того, что, возможно, эти дикари на самом деле не такие уж и дикари. Они создали термин *asephalous* (без головы), отражающий их убежденность в том, что ни одна культура не может существовать без иерархии, при этом нехотя признавая, что это все-таки были культуры.

Чтобы найти в таких этнографиях реальную ценность для радикалов и анархистов, нужно много читать между строк. Нужно отсеять расизм, предположения о положительной ценности иерархии и институционализированного социального контроля, а также напыщенную самодо-

вольность, когда культурная развитость приравнивается к превосходству в огневой мощи и/или промышленном развитии, а также к существованию капитализма. Кроме того, этнографические отчеты имеют свои фильтры, особенно при описании экскурторных и сексуальных практик своих подопечных; европейская, особенно викторианско-буржуазная мораль не позволяла откровенно говорить о некоторых вещах в печати или на публике.